

СКАЗКИ О ШИШЕ

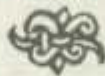
ПЕРЕСКАЗАЛ

Б.ЩЕРГИН

НАРИСОВАЛ

А.КОСТИН

**Библиотека Ладовед.
SCAV. Юрий Войкин
2009г.**

Москва

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

198 1

Совсем ещё недавно в Москве на Рождественском бульваре жил Борис Викторович Шергин.

Белобородый, в синем стареньком костюме, сидел он на своей железной кровати, закуривал папироску «Север» и ласково говорил гостю:

— Где вы работаете? Как живёте? В каких краях побывали?

До того хорошо было у него в доме, так внимательно и сердечно слушал он чужие рассказы, что многие забывали, зачем пришли, а ведь пришли послушать самого хозяина.

Когда же начинал рассказывать хозяин, слушатели боялись уронить слово, потому что Борис Викторович Шергин был великий артист. Он рассказывал и смешные истории, и печальные повести, а иногда, когда уж очень просили, пел русские былины.

За раскрытым окном под солнечным ветром шумели липы, пролетали автомобили, лязгали и громыхали трамваи, и странно было слышать протяжную мелодию и слова про Илью Муромца, пришедшие из давних времён:

— Аи ехал Илия путями дальними...

Высоко на стене, над головою певца, висел деревянный парусный корабль. Этот корабль, верней, модель корабля построил отец Бориса Викторовича — архангельский помор, корабел, певец и художник. И сам Борис Викторович был помор, корабел, певец и художник, и только одним сердечным свойством отличался он от отца — Борис Шергин был замечательный русский писатель.

Много рассказов и сказок написал он, сейчас вы прочтёте «Сказки о Шише». Это сказки весёлые, смешные, и рассказаны они языком не совсем обычным. Борис Викторович родился в Архангельске, там он слышал эти сказки и, пересказывая их нам, употребляет иногда слова для нашего уха непривычные, архангельские. Но понять их не так уж трудно.

Ну, к примеру, Борис Викторович говорит про Шиша: «Братья — мужики степенные, а он весь — как саврас без узды».

Что же это за «саврас»? Саврасый — это лошадиная масть, светло-коричневая. Раньше лошадей такой масти частенько называли — Савраска. А если нет у Савраски узды — значит, он свободен, бегаёт где хочет. Вот таким и был Шиш — «саврас без узды».

Сказки и рассказы Бориса Шергина любят и с интересом читают в наши дни и дети и взрослые — это замечательно!

Юрий Коваль

НАШ ПОСТРЕЛ ВЕЗДЕ ПОСПЕЛ

Дом был, стоял добрым порядком и на гладком месте, как на бороне.

В дому отец жил с сыновьями.

Старших и врать не знай, как звали, а младшего всё Шишом ругали.

Время ведь как птица: летит — его не остановишь. Вот Шиш и вырос. Братья — мужики степенные, а он весь — как саврас без узды. Такой был Шиш: на лбу хохол рыжий, глаза как у кошки. Один глаз голубой, другой как смородина. Нос кверху.

Начнёт говорить, как по дороге поедет: слово скажет — другое готово.

А ловок был — в рот заедет да и поворотится.

Рано Шиш начал шуточки зашучивать. У них около деревни, в лесу, барин с барыней землю купили. Домок построили, садик развели. До людей жадные и скупые были, а между собой жили в, любвд и согласье, всем на удивленье. Оба маленькие, толстые, как пузыри. По вечерам денежки считали, а днём гуляли, сады свои караулили, чтобы прохожие веточки не сорвали или травки не истоптали. У деревенских ребят уши не заживали всё лето — старички походя дрались, а уж друг с другом одни нежности да любезности.

Шиш на них давно немилым оком смотрел:
— Ужо я вам улыю шей на ложку!
И случай привёлся. Забралась в лес старушонка из дальней деревни за грибами. Ползала, ширилась да и заблудилась.
И заревела:
— О-о! Волки съедят!
Шиш около шнырял:
— Бабушка, кто тебя?
— У-у, заблудилась!
— Откуда ты?
— Из Горелова.
— Знаю. Выведу тебя, только ты мне сослужи службу...
Шиш и привёл её к барской усадёбке:
— Видишь, в окне баринок сидит, спит за газетой?
— Ну, не слепая, вижу.
— Ты постучи в окно. Барин нос выставит, ты тяпни по плещи да скажи: «На! Барыне оставь!»
— Как же это я благородного господина задену? Они меня собаками затравят!
— Что ты! Они собак не держат, сами лают.
— Ну, что делать, не ночевать в лесу...
Побежала старуха к дому, стукнула в раму:
— Барин, отворьте окошко!
Толстяк высунулся, кряхтит:
— Кто там?
Старушонка плюнула в ладонь, размахнулась да как дёрнет его по плещи:
— На! Барыне оставь!
А сама от окна — и ходу задала.
Ну, её Шиш на Русь вывел.
Этот баринок окошко захлопнул, скребёт затылок, а барыня уж с перины ссыпалась:
— Тебе что дали?
— Как — что дали?..
— Я слышала, сказали: «На, барыне оставь».
— Ничего мне не дали!
— Как это ничего? Давай, что получил.
— Плюху я получил.
— Плюшечку? Какую? Мяконьку?
— Вот какую!
И началась тут драка.
Только перья летят.
Вот что Шиш натворил.

ДОХОД НЕ ЖИВЁТ БЕЗ ХЛОПОТ

Вот отец пристарел. Братья волю взяли, дом на себя и скот на себя отобрали. Отцу говорят:

— При твоём худом здоровье первое дело — свежий воздух. Ты теперь ночуй в сарае, а день гуляй по миру. Под одним окошечком выпросишь, под другим съешь.

А Шишу дали коровку ростом с кошку, удою с ложку:

— Вот это тебе, братец, наделок. И вообще — люби нас, ходи мимо.

Отец сидит на крыльце, не смеет в избу зайти. У Шиша в сердце как нож повернулся. Он отца в охапку:

— Тятенька, давай заодно жить! Есть — пополам, и нет — пополам. А братцам дорогим я отсмею насмешку, припасу потешку!.. Тятенька, ты меня дожидайся, а я пойду эту коровёнку продавать.

Шиш лесом идёт, а дело к вечеру. И гроза собралась, близко громыхнуло. На ночь мокнуть неохота, Шиш и сунулся в боковую тропиночку, в дебрь, где бы лесину, ель погуще найти. Он в лесу не боится. Шагов сотню ступил — в ельнике дом стоит. Еле доколо-тилея.

Старуха открыла:

— О, куда ты, парень, попал! Уваливай, пока жив.

— Бабинька, пусти, где коровке хоть перестоять грозу.

— Дитятко, уходи: разбоем хозяева-то живут.

А к воротам ещё двое бегут. Шиш сразу узнал — два богатея из соседнего села. Кричат:

— Эй, бабка, где тут дождь переждать?

Что будешь делать! Старуха и спрятала всех в подполье:

— Только уж чтобы ни кашлянуть, ни дохнуть, ни слова не сказать, как хозяева придут. Убьют и меня с вами.

Под полом Шиш их спрашивает, будто не знает:

— Вы чьи? Куда?

Те не смотрят на него:

— Со всяким сбродом не разговариваем!

Тут над головами затопали, заходили... Разбойники приехали.

Там у них питьё пошло, еда. Напились пьяны, песню запели: «Не шуми, мати-дубравушка...»

Тут Шиша как шилом подняло.

— Ах, люблю! Даже до слёз! Запою и я с ними...

Купцы его в охапку:

— С ума тебя скинуло, собаку?

— Заткни глотку! Убьют!

— Ох, не осудите меня! Я певец природный. Запою!..

— Молодой человек, не сгубите! Возьмите деньгами! По десятке дадим!

— А уж по сотне не дадите?

— Подавись сиротским! На!

Шиш деньги убрал в карман, сел в уголок, будто спит.

Не успели купцы кисеты завязать, наверху плясовую грянули — «барыню».

Ух, барыня не могу!

Комар ступил на ногу...

Шиш к купцам:

— Рабы божьи, теперь не вытерплю! Я на то родился, чтобы плясать. Ух!..

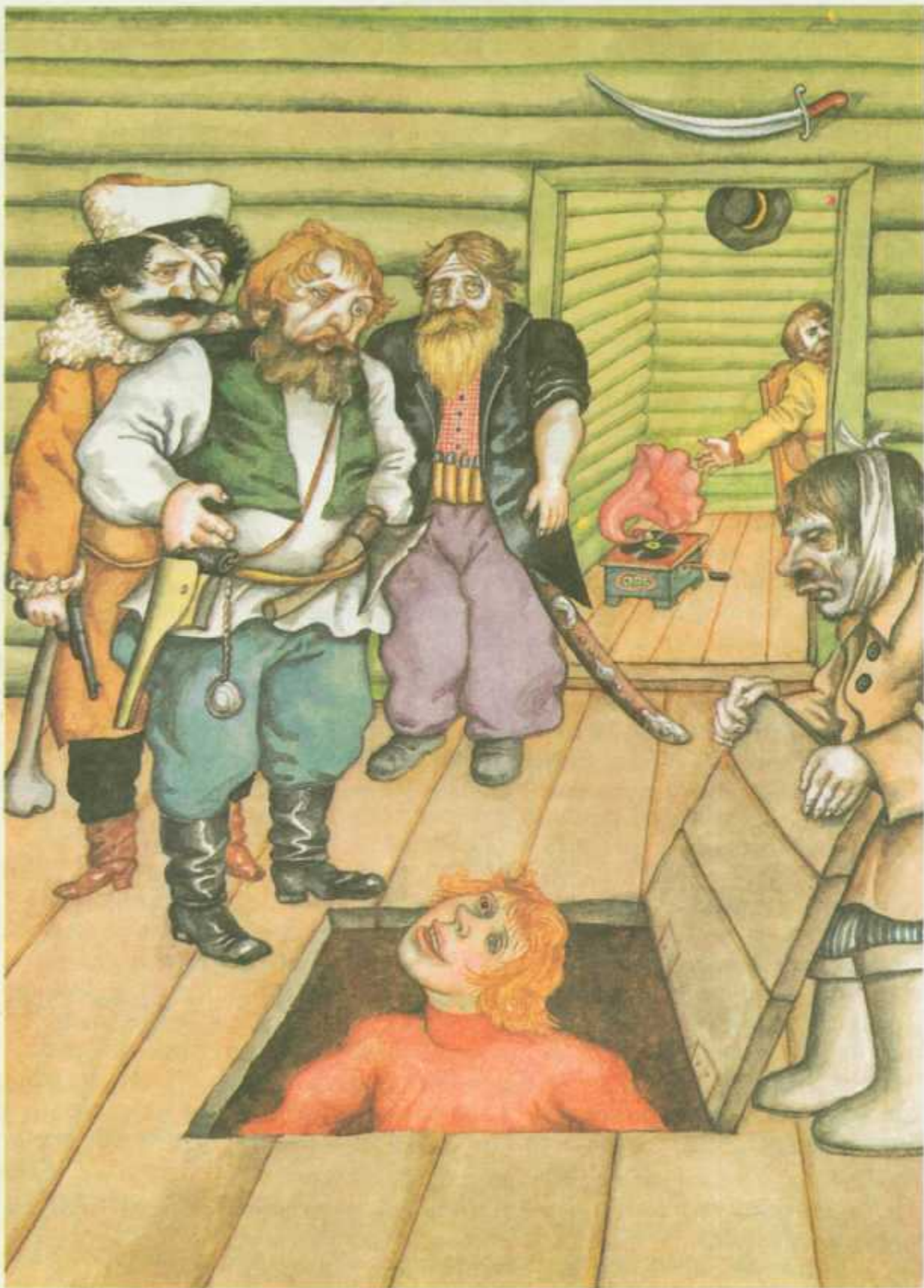
Ходи, хата, ходи, хата!

Ходи, курица хохлата!..

Купцы у него на ногах повисли:

— Возьми что хошь, пожалей не нас — сироток наших! Благодарь, не погуби!

— Так уж, чтоб вам не обидно, ещё по сотне с человека.

Вот у Шиша четыреста рублей, да всё золотыми.
А наверху-то и учуяли, что под полом неладно. Дрогнули разбойники:

— О, согрели, грешники! Бесы в доме завелись! Не будет более удачи...

Старуха слышит — на ней каждый трепок трясётся:

— Я, хозяйева, бесов-то выживать туда человека запустила...

— Какой человек?

Шиш это услышал, он всех смелее, и лезет из подполья.

Разбойники к нему:

— Ну что? Благополучно ли? Всех ли бесов-то выжил?

Шиш и смекнул:

— Пятерых выжил, двое остались больших. Те там подпольем ушли, этих надо избой выпускать...

— Молодец, выведи напасть! Отблагодарим тебя.

— Не стоит благодарности. Давайте кудёли да огонька. Сами зайдите за печь, чтобы, как полетят, вас не задело.

Сам Шиш спустился под пол.

— Ну, купцы, я с вас взял по два ста, а разбойники вас найдут и душу вынут. А за ваши деньги я вас отблагодарю.

Вот Шиш обоих купцов кудёлей замотал по одежде:

— Как я вас подожду, вы и летите избой да на улицу.

Чиркнул спичкой, вспыхнула кудёля. Взвились купцы по лесенке, да в избу, да в сени, да на улицу. А там после грозы лужа. Они в эту лужу. Даже одежда не затлела. Да скорее в лес, да домой.

А разбойники не скоро в себя пришли:

— О, молодой человек! И не видали мы на веку такого страху...

— О, коль страшно у бесов огненно-то видение! О, погубили мы свои душеньки, уготовали себе вечный огонь!..

— Руку даю, что эти черти боле к вам не прилетят, не досадят.

— Тебя как благодарить-то?

— Да вот строиться собрался...

— Держи сотенную. За такую услугу сто рублей — плёвое дело.

А коровку Шиш старухе ихней подарил.

Шиш домой пришёл. Деньги на стол, считать начал. Сбился, опять снова. Братья около, рот раскрыли, стоят...

— Шиш, откуда таково богатство?

— А прихожу на рынок, а у меня коровёнку из рук рвут. Пять сот за шкурёнку дали.

Братья в хлев. От жадности трясутся. Коров колют и шкуры с них дерут. Запрягли пару коней да в город с кожами. Стояли-стояли в кожевенном ряду... Кто-то подошёл:

— Почём шкура?

— Сто... нет, триста... пятьсот рублей!

Покупатель глаза выпучил да бегом от них.

Народ собрался, пальцами кажут:

— Глядите-ко, безумные приехали. За коровью шкуру сотни просят...

Вернулись братья домой да на Шиша с кулаками.

— Обманыва-а-ать?!

— Да что с вами? Что?

— Да ведь нас весь рынок дураками почтил!

— Да вы в каком ряду стояли?

— Как в каком? В кожевенном!

— А я в галантерейном.

Братья на другой день в галантерейном стояли. Публика ходит чистая. Барыни братьев ругают, городовые их гонят.

Один кто-то спросил опять:

— Да почём шкура-то?

— А вот третьего дня за маленькую шкурёнку пятьсот давали, дак уж у нас неужели дешевле!

Тут уж их в шею натолкали. До самой заставы с присвистом гнали. Кричат мальчишки:

— Самашеччих везут! Самашеччих везут!

Прикатили братья домой, кони в мыле.

— Подать сюда злодея, всегубителя, разорителя!..

Не успел Шиш увернуться. Бочка во дворе стояла. Шиша в неё заколотили, да с берега в реку и ухнули. Пронесло бочку с версту, да к берегу и прикачало.

Шиш и слышит, что по берегу кто-то с колокольчиком едет. Шиш и заревел:

— О-о-о! Ни читать, ни писать, ни слова сказать, а в начальники ставят!

А с колокольцем-то ехал становой с бедной деревни подати выколачивать. Он с тройки да под угор:

— Я знаю читать, и писать, и слово сказать! Я в начальники годен. Кто здесь?

— Я! В бочке сижу.

Становой дно выбил. Шиш вылез.

— В начальники силом ставят, а я бы другому уступил.

— Возьми отступного. Я в начальники горазд.

— А давай меняться. Вы в бочку залезете — в начальники вас направят на мою должность, а я ваших лошадок с кибиточкой — себе.

— Согласен. Хлебна ли должность та?

— Обзолотиться можно.

— Заколачивай скорее. Жив-во!

Забил днище Шиш да как пнёт бочку ту! Ух, она в воду полетела, поплыла...

А Шиш домой на тройке подкатил.

Братья под кровати лезут:

— У"У? утопленничек, не ешь нас!

— Что вы, дикие! Глядите-ко, мне там каких лошадок выдали!

— Где выдали-то?

— Куда меня спихнули, там.

Братья коней гладят. От зависти руки трясутся.

— Шишанушка! У нас вон бочка порожняя...

— Ну, порожняя, вижу.

— Мы бы в бочку ту... да в речку ту... Не откажись. Тоже хоть по конику бы!

— Да что ж, можно. Неужели для братьев единоутробных пожалею?

О, сколь тяжело было бочку ту катить! А те там сидят — торопят:

— Кати круче! Всех хороших-то упустим.

Опять с горы как дунет их Шиш...

Поехали братаны вниз по матушке по Волге, по широкому раздолью. Выплеснуло их в Нижнем, у ярмарки. Лавку там себе поставили. В домашнюю сторону и смотреть перестали.

А Шиш с отцом зажил. Он до отца хороший стал, ласковый. Отец его залюбил.

ШИШ И ТРАКТИРЩИЦА

По свету гуляючи, забрёл Шиш в трактир пообедать, а трактирщица такая вредная была — видит, человек бедно одет, и отказала:

— Ничего нет, не готовлено. Один хлеб да вода.

Шиш тому рад:

— Ну, хлеба подайте с водичкой.

Сидит Шиш, корочку в воде помакивает да посасывает. А у хозяйки в печи на сковороде гусь был жареный. И сдумала толстуха посмеяться над голодным прохожим.

— Ты,— говорит,— молодой человек, везде, чай, бывал, много народу видал, не захаживал ли ты в Печной уезд, в село Сквородкино, не знавал ли господина Гусева-Жареного?

Шиш смекнул, в чём дело, и говорит:

— Вот доем корочку, тотчас вспомню.

В это время кто-то на хорошем коне приворотил к трактиру.

Хозяйка выскочила на крыльцо, а Шиш к печке. Открыл заслонку, сдёрнул гуся со сковороды, спрятал его в свою сумку, сунул на сковородку лапоть и ждёт...

Хозяйка заходит в избу с проезжающим и снова трунит над Шишом:

— Ну что, рыжий, знавал Гусева-Жареного?

Шиш отвечает:

— Знавал, хозяйюшка. Только он теперь не в Печном уезде, село Сквородкино, живёт, а в Сумкино-Заплетное переехал.

Вскинул Шиш сумку за плечо и убежал с гусем.

Трактирщица говорит гостю:

— Вот дурак мужик! Я ему про гуся загадала, а он ничего-то не понял... Проходите, сударь, за стол. Для благородного гостя у меня жаркое найдётся.

Полезла в печь, а на сковороде-то лапоть!

ШИШ ПОКАЗЫВАЕТ БАРИНУ НУЖДУ

Зима была лютая. Выскочил Шиш однажды на улицу, выдернул жердь из огорода и стал рубить. А мимо проезжают барин с барыней на тройке:

— Эй, мужик! Зачем забор на дрова рубишь?

— Не я рублю — нужда рубит!

— Что значит нужда?

— Неужто нужды не видали?

— А она что, где?

— Где? В чистом поле, под горкой.

— Мы желаем посмотреть. Проводи нас туда заместо прогулки.

Люди бы за ум, а Шиш за дело.

Уселся в господские сани и поехал в чисто поле.

Ехал, ехал, дале надоело.

Остановил коней:

— Дальше конями не проедешь. Ежели угодно, полем пройдитесь пешком. Нужда — она вон где: вправо, четвёрта горочка слева, куда галка полетела...

Господа из саней вылезают:

— Эй, мужик! Мы прогуляемся туда, а ты покарауль тройку.

— Пожалста.

Вот и полезли барин с барыней по снегу. К горке подойдут, другу завидят, эту осмотрят, вдали четвёрта блазнит¹. А нужды этой, кабыть, не сидит нигде...

Ну, они бродят, а Шиш своё дело правит. Тройку выпряг, на коренника сел да с конями в свою деревню ускакал. Сани в поле на дороге покинул.

А барин с барыней бродят по колено в снегу да по пояс ныряют. Умаялись, упыхались. К вечеру еле-еле по старым своим следам на дорогу к саням выгреблись.

Сани-то на месте, а лошадей нет.

И поругались, и поплакали... Вот где нужда-то!

Барин говорит:

— Придётся вот что: ты за одну оглоблю возьмишь, я за другую. Так и повезём сани!

Барыня не слушает:

— Ни за какую оглоблю я браться не намерена! Хочешь, так впрягайся, а я, в крайнем случае, сбоку, впристяжку.

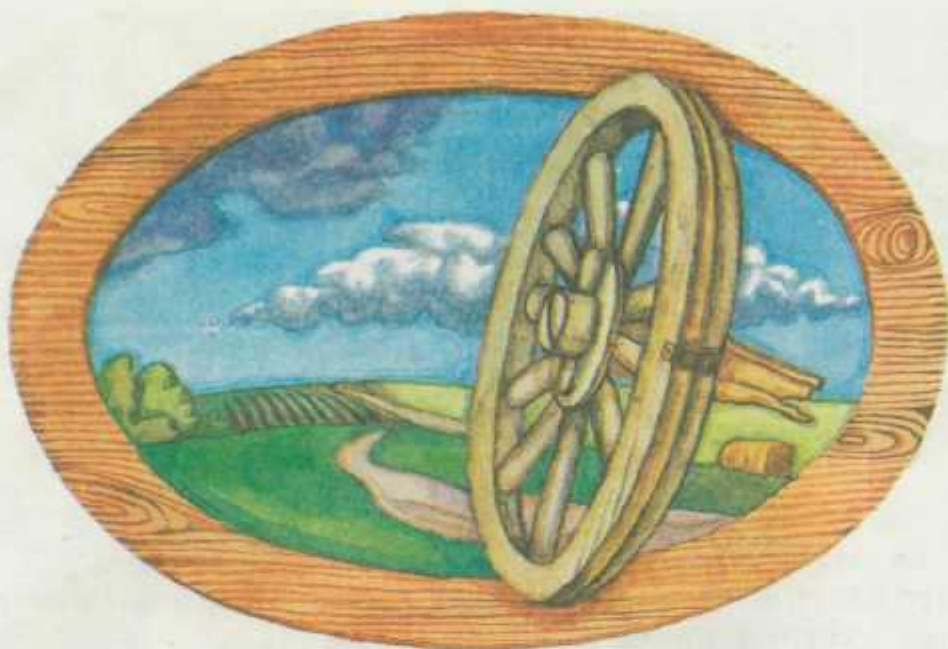
Делать нечего, впрягся барин в корень, а барыня впристяжку. Поволокли сани. Подвезут да отдохнут, подъедут да посидят.

Заблудилися в великих снегах.

Очень хорошо они теперь нужду узнали!

¹ Блазнить — мерщиться.

РИФМЫ

Шиш по своим делам в город пошёл. Дело было летом, жарко. Впереди едет дядька на лошади. Шиш устал, ему хочется на лошадке подъехать. Он и кричит этому дядьке:

— Здравствуйте, Какой-то Какойтович!

Дядька не расслышал, как его назвали, только понял, что по имени и отчеству. Он и кричит Шишу:

— Здравствуйте, молодой человек!

А Шиш опять:

— Как супруга ваша поживает, как деточки?

Дядька говорит:

— Благодарим вас, хорошо живут. А если вы знакомый, так присаживайтесь на телегу, подвезу вас.

Шишу то и надо, сел рядом с дядькой. А Шиш молча сидеть не может. Он только тогда молчит, когда спит.

Он говорит:

— Дяденька, давайте играть в рифмы.

— Это что такое — рифмы?

— А давайте так говорить, чтоб складно было.

— Давай.

— Вот, дяденька, как твоего папашу звали?

— Моего папашу звали Кузьма.

Шиш говорит:

Я твоего Кузьму
За бороду возьму!

Дядька говорит:

— Это зачем же ты моего папашу за бороду брать будешь?

Шиш говорит:

— Это, дяденька, для рифмы. Скажи, как твоего дедушку звали.

— Моего дедушку звали Иван.

Шиш говорит:

Твой дедушка Иван
Посадил кошку в карман.
Кошка плачет и рыдает,
Твоо дедушку ругает.

Дядька разгорячился:

— Это зачем мой дедушка будет кошку в карман сажать? Ты зачем такие пустяки прибираешь?

— Это, дяденька, для рифмы.

— Я вот тебе скажу рифму: тебя как зовут?

— Меня зовут... Федя.

Дядька говорит:

Если ты Федя,
То поймай в лесу медведя,
На медведе поезжай,
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, я пошутил. Меня зовут не Федя, а Степан.

Дядька говорит:

Если ты Степан,
Садись на аэроплан.
На аэроплане и летай,
А с моей лошади слезай!

— Дяденька, это я пошутил. Меня зовут не Степан, а... Силантий.

Дяденька говорит:

Если ты Силантий,
То с моей лошади слезантий!

— Что ты, дяденька, такого и слова нет — «слезантий».

— Хотя и нет, всё равно слезай!

Шишу и пришлось слезать с телеги. Так ему и надо. Если тебя добрый человек везёт на лошадке, ты сиди молча, а не придумывай всяких пустяков.

